

*Т. И. Панина*

### **УСТОЙЧИВОСТЬ И ВАРИАТИВНОСТЬ УДМУРТСКИХ НАРРАТИВОВ О СНОВИДЕНИЯХ (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА ПОВТОРНЫХ ЗАПИСЕЙ ТЕКСТОВ)**



В статье представлены результаты сопоставительного анализа повторных записей нарративов о сновидениях в аспекте их устойчивости и вариативности. Объектом анализа послужили хронологически разновременные записи рассказов об одних и тех же сновидениях, сделанные в 2018 и 2020 гг. от одного и того же информанта. Рассматриваемые нарративы относятся к одной классификационной группе – иномирным снам, сюжетообразующим мотивом которых является мотив общения с умершими близкими родственниками. Устойчивость и вариативность анализируемых текстов учитываются по композиционным особенностям: автор предлагает новые термины – «снотекст» для обозначения сообщения непосредственно самого сновидения и «снокоментарии» для пояснений рассказчика – и подразделяет последние на три группы: вводные / предтекстовые, внутритекстовые и заключительные / послетекстовые. Выявлено, что наибольшим изменениям подвергаются снокоментарии – они могут в разной степени разрастаться или редуцироваться, содержать неповторяющиеся данные и пояснения, играя ключевую роль в компрессии текста. В то же время снотекст не претерпевает значительных изменений, демонстрируя удивительную устойчивость: незначительная вариативность прослеживается лишь на уровне структуры (внутренние перестановки структурных элементов снотекста) и лексики (использование синонимичных слов и выражений, не меняющих содержание описываемого сновидения). Это обусловлено стремлением информанта максимально точно передать содержание сна и его значимые детали. Отмечается устойчивость снотекстов на грамматическом уровне: в них преобладают глаголы настоящего времени, благодаря которым повествованию придается своеобразный драматизм, размываются временные границы, создается иллюзия реальности события, сон не вспоминается, а разворачивается «здесь и сейчас» при участии слушателя. Другой устойчивой лингвистической особенностью снотекстов является использование синтаксических конструкций, которые представляют собой своего рода «коктейль» из прямой и косвенной речи, сопровождающийся смешением своих и чужих слов. Все анализируемые нарративы о снах прекрасно вписываются в традиционную систему представлений удмуртов, отражая и подкрепляя существующие верования (необходимость поминания умерших, особенности посмертного существования), подчеркивая тем самым культурную обусловленность пересказываемых сновидений.

*Ключевые слова:* удмурты, коммуникация с умершими, сон, нарративы о сновидениях, повторная запись, устойчивость, вариативность.

DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-3-430-439

Одним из методов полевой фольклористики является повторная запись произведений, последующий анализ которых позволяет проследить особенности творческого процесса создания и воспроизведения фольклорного текста, специфику его бытования и исполнения; выявить степень устойчивости и компрессии текстов, механизмы варьирования и характер импровизации. Методика сбора и изучения хронологически разновременных записей фольклорного материала применяется в российской фольклористике относительно давно – начиная с XIX в. Наибольшую популярность она получила при исследовании эпических текстов: в конце XIX в. повторные записи исследовали с целью выявления исторического изменения фольклорной традиции, в XX в. научный фокус сместился на изучение проблемы вариативности [Путилов 1966; Гацак 1971, 1975; Аникин 1974; Чистов 1983; Новиков 2005; Суркова 2013].

Цель настоящей работы – сравнить повторные записи удмуртских нарративов о сновидениях, проанализировать проблему их устойчивости и вариативности. Источниками исследования послужили полевые материалы, собранные автором совместно с доктором филологических наук Т. Г. Владыкиной в июле 2018 г. и феврале 2020 г. в с. Завьялово Удмуртской Республики от одного и того же информанта – Моториной Р.К., 1939 г.р. Аудиоматериалы описаны и переданы в Научный архив Уд-



муртского института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук (далее НА УИИЯЛ), где хранятся в электронном варианте. Основная цель первой поездки заключалась в сборе полевого материала по обычаям и поверьям удмуртов, второй – в фиксации народной традиции снотолкований, записи нарративов о сновидениях. Однако уже во время первого общения с информантом были записаны рассказы и о сновидениях: в 2018 г. – шесть текстов, в 2020 – девять, пять из которых совпадают друг с другом. Именно эти пять нарративов стали объектом настоящего анализа.

Исследователи отмечают, что при анализе повторных записей важно учитывать многие факторы. Если, к примеру, фольклорный текст записан от разных людей, то существенное значение имеет личность рассказчика, его мастерство устной передачи информации, превращающее исполнителя в универсального носителя культурной памяти. Если запись сделана от одного и того же носителя традиции, то следует обратить внимание на изменение ситуации исполнения. С точки зрения условий и порядка записи нашего полевого материала, поменялось лишь одно составляющее – время фиксации текстов, все остальное сохранилось в неизменном виде – место записи (в гостях у информанта), участники беседы (информант и собиратели), ситуация исполнения (интервью-беседа, аудиозапись материала), описываемые сновидения.

Известно, что далеко не каждое сновидение становится впоследствии коммуникативным событием: в культурный текст / нарратив превращаются лишь исключительно знаковые для самого рассказчика и культурно-обусловленные сны, вписывающиеся в общую традиционную картину мира. С этой точки зрения сновидения – это не только индивидуально-психологический, но и культурный феномен: в традиционных сообществах сны обусловлены определённой культурной моделью, детерминирующей индивидуально-психологический опыт и представляющей собой замкнутую систему, нацеленную на поддержание традиции [Рабинович 2011]. Рассказы о снах, таким образом, – это нарративы о личном опыте, пересказанные и интерпретированные в соответствии с бытующими традиционными представлениями.

Все рассматриваемые в данной работе рассказы о сновидениях относятся к одной классификационной группе – иномирным снам, сюжетообразующим мотивом которых является мотив контакта с представителями потустороннего мира, в данном случае с умершими близкими родственниками – матерью и сыновьями, потеря которых, безусловно, стала большой трагедией для респондента. Основными центральными акциями<sup>1</sup> – ключевыми действиями иномирного персонажа, вокруг которых организуются все остальные действия сновидца и умершего, – в анализируемых рассказах являются *указание на нарушение* и *информирование*. В первом случае (целевая акция – указание на нарушение) усопшая мать приходит во сне к своей дочери и высказывает свое недовольство по поводу ее поведения в реальной жизни: упрекает сновидицу за то, что она ее редко поминает (рассказ 1); покойная мать недовольна, что дочь испытывает чувство обиды по поводу оставшегося наследства (рассказ 2); умершая корит дочь за то, что та не прекращает горевать и постоянно взывает к ней с просьбой пообщаться (рассказ 3). Во втором случае (целевая акция – информирование) умерший сын сообщает о загробной жизни (рассказ 4); переживает, что не сможет «поступить» (т.е. попасть в рай, по интерпретации сновидицы) (рассказ 5).

Сон в этом случае выступает как инструмент выхода в ирреальность, единственный канал коммуникации с дорогими и близкими людьми, увидев которых информант пытается найти объяснение увиденному во сне, расшифровать сообщение. Именно целевая акция, по мнению Е. В. Сафронова, становится причиной вербализации сновидений [Сафронов 2016: 105]. Сны при этом интерпретируются в соответствии с набором существующих традиционных религиозно-мифологических представлений, культурных норм и ценностей.

Для изучения вопроса устойчивости и вариативности анализируемых текстов необходимо учитывать особенности их архитектоники: в композиционном плане снанарративы состоят из сообщения непосредственно самого сновидения и комментариев рассказчика, его размышлений и замечаний. На необходимость разграничения этих двух пластов текста указывал Е. В. Сафронов: он предложил обозначить часть рассказа, в котором пересказывается непосредственно сновидение, термином Текст 1, а

<sup>1</sup> Термин «центральная акция» впервые был введен Е. В. Сафроновым при изучении нарративов об иномирных сновидениях, бытующих в русской традиции. Он выделил пять типов рассказов, в основе сюжетов которых лежат разные центральные акции: информирование, приобщение, указание на нарушение, символическая центральная акция и предупреждение [Сафронов 2016: 104–154].

часть рассказа, описывающую соотношенные с этим сном события реальной жизни, термином Текст 2. Разграничение этих двух составляющих, как верно указывает автор, позволяет учитывать семантически и прагматически важную оппозицию реальность / ирреальность как для рассказчика, так и для слушателя, т.к. отсутствие дифференциации «сна / яви» со стороны говорящего трансформирует культурный, а со стороны слушающего – коммуникативный контексты [Сафронов 2016: 99]. Комментарии к рассказам о сновидениях необходимы для того, чтобы подготовить слушателя, ввести его в курс дела, например, познакомить его с теми людьми, о которых будет идти речь, или напомнить о каком-нибудь культурно и религиозно значимом аспекте. Чаще всего рассказы о сновидениях имеют рамочную конструкцию: комментарий – непосредственное сообщение увиденного во сне – комментарий. Е. В. Сафронов отмечает динамичность их композиционных частей: они могут легко редуцироваться или вообще не вербализоваться, рамка с комментариями может доминировать, а сам пересказ сновидения может сводиться до образа-мотива [Сафронов 2016: 100]. Данный вывод сделан на основе анализа корпуса текстов, записанных автором в начале XXI в. от русских, преимущественно проживающих на территории Ульяновской области.

Термины Текст 1 и Текст 2, на наш взгляд, не совсем удачны, так как не передают сути и содержания, поэтому в настоящей работе термин Текст 1 заменим термином «снотекст», а Текст 2 – «снокомментарий»<sup>2</sup> и рассмотрим, что происходит с нарративами об одном и том же сновидении, записанными от одного человека по прошествии определенного времени. Наблюдаются ли изменения в снотексте и снокомментарии; если да, то какие?

Начнем с анализа снотекста – пересказа непосредственно самого сновидения. Это короткие сообщения, описывающие встречу во сне с умершим. При первом беглом взгляде они поражают своей устойчивостью, высокой степенью сохранности: снотексты, записанные летом 2018 г., почти не отличаются от их повторных записей, сделанных в январе 2020 г. Однако при более детальном анализе можно выявить некоторые изменения на структурном и лексическом уровнях текста.

Вариативность структурного уровня выражается во внутренних перестановках элементов текста. В качестве примера приведем рассказ о сне, который информанту сообщила мать, рано оставшаяся сиротой:

2018 г. (рассказ 3)	2020 г. (рассказ 3)
<p>... скамья, отчы, пе, пуксим но: «Мар-о верамед потэ, “куинь кыл но верасал но, родной мамае мед лу вал”, шукод но. Мон ваньзэ кылко но, ваземе уг лу ук. Вера, – пе, шуэ, – мар верамед потэ но». Вераны, пе, ъдьясько вал, мынам кык нильёсы будо но, тон ъд на адзыл на, пе, шуса но, учкыны куроз, чупалоз но събраз нуоз, пе, шуса ъй вера. Сэре юасько, пе: «Кинлы оскыса монэ кельтйд?» – пе, шуко но. «Якшурьёслы оскыса кельтй», – шуэ, пе. Сэре: «Вера на, мар верамед потэ, – пе, шуэ, – туж мыным секыт, тон бѳрдкод но, эн бѳрд ни», – пе, шуэ. Сэре, марверамзэ больше то ѳз вера, ѳз вала ни, озьы гинэ-а мар-а, и со, пе, берен отчы ик кошкиз.</p> <p>... скамья. На нее, мол, мы сели: «Что хочешь сказать, “тремя словами бы хоть обмолвилась, если бы родная мать [жива] была”, говоришь ведь. Я всё слышу, но не могу ответить. Скажи, – мол, говорит, – что сказать хочешь». Хотела, мол, сказать, что у меня две дочери растут, что ты еще их не видела, но [испугалась], что попросит посмотреть, поцелует и с собой заберет, мол, поэтому не сказала. Затем, мол,</p>	<p>И отын, пе, скамья озьы вал но, отчы, пе, пуксим но: «Мар-о верамед потэ? Весь озьы бѳрдкод но, ваньзэ кылко но, мынам ваземе шорад уг луы ук, мар-о верамед вань, вера, – пе, шуэ. – Туж мыным секыт улны, тон... (тань бѳрдэме потэ). Туж мыным секыт озьы, тон бѳрдкод но, тонэ кылзыса улны», – пе, шуэ. Сэре: «Кинлы-о монэ оскыса кельтйд?» – пе, шуи но. «Якшурьёслы оскыса кельтй», – пе, шуиз. Сэре: «Ещё мар веранэд вань на на?». Вераны, пе, ъдьясько вал, нош мынам кык нильёсы будо но, тон ъд адзыл на ай шуса но, а вдруг чупаны, учкыны куроз но, чупалоз, събраз нуоз, пе, шуса, ъй, пе, вера. Вот удивительно даже со, о-о-а, материнский инстинкт уйѳтын но. И ѳй, пе, вера. Таре: «Мар веранэд, вера на но, бѳрдса эн улы, – пе, шуэ. – Мыным секыт, мон ваньзэ кылко но, мынам ваземе шорад уг луы но. Мон сэре кошка, – пе, шуэ, – монэ кемалы ик ѳз лэзьы». И отчы, пе, со кошкиз.</p> <p>И там, мол, скамья стояла, и мы, мол, на нее сели: «Что хочешь сказать? Всё время так плачешь,</p>

<sup>2</sup> Эти понятия созданы по аналогии со словами «снорассказ», «снонарратив», «сногадание», «сноповествование», «снопримета», используемыми Т.С. Садовой в ходе лингвистического описания русских текстов сновидческих примет и рассказов о сновидениях [Садова 2021].



<p>спрашиваю: «На кого меня оставила, кому доверила?», – мол, говорю. «На родственников из Якшура [деревня в Завьяловском районе УР] оставила», – говорит, мол. «Скажи, что еще хочешь сказать, – мол, говорит, – очень тяжело мне от того, что ты плачешь, не плачь больше», – мол, говорит. <i>Что еще сказала, больше не рассказывала [мне мать], то ли не вспомнила, то ли на этом всё закончилось</i><sup>3</sup>, и она, мол, обратно туда же ушла.</p>	<p>я же всё слышу, но не могу ответить. Чем хочешь поделиться, скажи, – мол, говорит [ей мать]<sup>4</sup>. – Очень тяжело мне жить, ты... (<i>вот слёзы накатывают</i>). Очень мне тяжело от того, что ты плачешь, слышать тебя [как ты плачешь]», – мол, говорит. Затем: «На кого меня оставила, кому доверила?» – мол, спросила я. «На родственников из Якшура [деревня в Завьяловском районе УР]», – мол, сказала она. А затем: «Ещё что есть у тебя сказать?». Хотела, мол, сказать, что у меня две дочери растут, что ты их ещё даже не видела, [потом подумала], а вдруг захочет поцеловать, посмотреть на них, и [испугавшись], что поцелует и с собой заберет, не сказала, мол. <i>Вот удивительно, да, даже во сне материнский инстинкт есть</i>. И не сказала, мол. «Что еще хочешь сказать, скажи и не плачь больше, – мол, говорит [ей мать]. – Мне тяжело, я всё слышу, но ответить не могу, я потом уйду, – мол, говорит, – меня ненадолго отпустили». И туда, мол, она ушла.</p>
---	--

В вышеприведенном отрывке меняется последовательность разговора с умершим, но при этом ни одна часть диалога не редуцируется, не исчезает, и не добавляются новые детали. Это обусловлено тем, что весь разговор представляет для рассказчика особую важность и целостность: в нем сосредоточены и актуализированы как личные переживания и чувства, так и бытующие в традиции поверья – умершие слышат и чувствуют живых; покойным очень тяжело, когда их родственники не могут смириться с потерей, продолжают скорбеть, постоянно плачут по умершему; они могут во сне «увести» с собой живых, что может быть предвестником близкой смерти последних.

В снотекстах вариативность наблюдается еще на одном уровне – лексическом. Неустойчивость этого уровня не удивительна, если учесть, что рассматриваемые снотексты – это устные прозаические произведения. Однако удивительно то, насколько близки по содержанию и лингвистическому оформлению разновременные тексты: например, очень точно передаются диалоги, почти не изменяются реплики. В лексическом плане используются синонимичные слова и выражения, не меняющие содержание описываемого сновидения, его детали:

2018 г. (рассказ 1)	2020 г. (рассказ 1)
<p>Инф.: И вот огпол мынко тазы но, тамында мешокын зег, мынам со через плечо куштэмын, Соб.: <i>Вотасьгоды-а озы?</i> Инф.: <i>Вотасько, вотасько, о-о</i>. И со мон съоры лыктэ но: «Рая, вай мар ке сиэндэ, сиеме туж потэ но», – шуэ но. «Кошкы, тон кулэмын», – шуко, уг но берытскиськы озы. «Кошкы, тон кулэмын», – шуко. «Но туж ук сиеме потэ, вай мардэ ке», – шуэ но. «Ну кабзэ-а мар-а союз дуннеяд уг но сюдо?» – шуко. Берытски инизэ но: «Мон пöрам сьыкум весь буре вайко ук», – шуко но. «Пöрам сьыкуд гинэ ук буре вайкод, озы ик дыре мон сиеме ук потса улко», – шуэ. Сэре: «Я ме, иське, зегез си», – тазы сузен мон зег солы сётй. «Инф: И вот однажды иду, вот столько в мешке ржи, за плечи [мешок] заброшен.</p>	<p>Таре огпол мынко но, мама съöрам лыктэ: «Рая, вай мар ке сиэндэ», – шуэ. И мон шораз но уг учкиськы. «Кошкы, тон кулэмын», – шуко, тазь съöрлань карко. «Кошкы, тон кулэмын», – шуко. «Но туж ук сиеме потэ, вай мар ке сиэндэ». А мон тазы пельпум вылтйим нуко тазы мешокын зег. «Кошкы, тон кулэмын», – шуко опеть, со куре. Сэре дугдй но, берытски но шуко: «Но, мама, кабзэ но-а мар-а союз дуннеяд но уг сюдо?» – шуко. «Мон пöрам сиюку огья ук буре вайко», – шуко. «Пöрам сиюкуды гинэ ук буре вайкод, мукет дыряз мынам сиеме потса ук улко», – шуиз. Сэре: «Но ме, иське, та зерно-ез коть си», – тазы сузен омыртыса мон солы сётй, сое со басьтйз.</p>

<sup>3</sup> Здесь и далее курсивом выделены уточнения, замечания информанта, т.е. снокомментарии, которые будут проанализированы ниже.

<sup>4</sup> Здесь и далее в квадратных скобках приводится уточняющая информация, которой нет в тексте оригинала.

<p>Соб: <i>Это снится так вам?</i>                  Инф.: <i>Снится, снится, да.</i> И вот она [покойная мать информанта] за мной идёт: «Рая, дай что-нибудь поесть, очень есть хочется», – говорит. «Уходи, ты умерла», – говорю, даже не оборачиваясь к ней. «Уходи, ты умерла», – говорю. «Ну, очень же есть хочется, дай что-нибудь», – говорит. «Ну, неужели на том свете совсем не кормят?» – говорю. Обернулась к ней: «Я же постоянно поминаю, когда ем стряпню», – говорю. «Ты же поминаешь только тогда, когда ешь стряпню, а я же и в обычное время есть хочу», – говорит. Потом: «Ну, держи тогда, ржи поешь», – я ей протянула горсть зерна.</p>	<p>Однажды иду, и мама за мной идёт: «Рая, дай что-нибудь поесть», – говорит. А я на неё даже не смотрю. «Уходи, ты умерла», – говорю, вперёд её не пропускаю. «Уходи, ты умерла», – говорю. «Ну, очень уж есть хочется, дай что-нибудь поесть». А я несу вот так через плечо мешок ржи. «Уходи, ты умерла», – говорю снова, а она просит. И я остановилась, обернулась и говорю: «Ну, мама, неужели на том свете совсем вас не кормят?» – говорю. «Я же всегда поминаю, когда ем стряпню», – говорю. «Ты же поминаешь только тогда, когда ешь стряпню, а я же и в другое время есть хочу», – сказала. Потом: «Ну, держи тогда, хоть это зерно поешь», – я взяла горсть зерна и протянула ей, она это взяла.</p>
---	--

Хронологически разновременные записи сна нарративов свидетельствуют о том, что информант стремится к точной передаче содержания сна, сохранению каждой детали, т.к. все они имеют для него свою смысловую нагрузку. Это, как указано выше, отражается и на лексическом уровне текстов: при пересказе снов используются синонимичные слова и выражения. Однако в случаях, когда лексические изменения осознаются респондентом как нарушение передачи содержания сна, его частности, то она поправляет себя, тем самым делает текст более устойчивым<sup>5</sup>:

2018 г. (рассказ 5)	2020 г. (рассказ 5)
<p><i>Ну тйни огпол первой кулэмзэ пиме: озьы дотово, кызы-о со, озабоченной, сы́че курадземын кадь, измученной, выгоревшей спортивной штани, трико шуо вал, сы́чеен, сы́чеен оз но ветлылы но озьы, и шуэ: «<u>Всё равно мон поступитьтыны уг быгаты, иностранной языкез мон уг тодкы</u>», – шуэ. «Кызы уд тодкы?» – шуко. Э, ой изучатьты, шуэ. «Кызы од изучатьты, – шуко, – институтын но ведь изучатьтыды, английской ведь тон изучатьтыд». Кышноэз сэре шуэ: «Да, мам, он мне тоже говорил, что иностранный не изучал». Таре шарак потй, умме усъны уг быгаткы ни, священник доры мынй. Ну мон ас поннам но малпай вал, молитва, Инмарлы уг оско вал, молитва немыр но уг тодо, вот и со рае потны со уг шедьы, уг быгаты шуса но. Священник но озьы ик объяснитьтйз. Но Кировысь кенэ чем адже, вота но, огья чош адже: оgez самоубиенной, оgez молитва уг тоды. Кыкназы адын, может быть, пумиськыло-а соос, котьмар, омар, уг тодйськы, сояз дуннеысь некин но бертэмын овёл. Но отын оскон вань, что соос шодо но, тодо но, толон но тйни, отын всё равно, пйй, тётя Валя но, кырси но татын, дыр, адзо,</i></p>	<p><i>Первой уй ик кълны мынй [кенэз доры], и кы́че диванын Витяе [картэз] кулйз, отчы мон выдй, о-о-а. Таре и вётасько. Тань та коркан ик кадь, милям татын планировкаез мукет вал: отын зал вал, отын тйни озьы, татын кухня вал русской печкаен. Таре укно дорын со сылэ сы́че замученной, вид солэн измученной, сы́че выгоревшей спортка трикотажной вал азъвыл, о-о-а, простой, сы́чеоз но кадь дйсьял вал, и вот сы́чеен со. «Всё равно мон поступитьтыны уг быгаты», – шуэ. «Мон иностранной кылэз ой дышеты», – шуэ. «Дак кызы од дышеты? – шуко. – Английскойзэ дышетид институтын но, – шуко, – английской дышетид на ай». Света сэре шуэ: «Да, мам, он мне тоже сказал, иностранный язык не знает». «Да не может быть, – шуко. – Как это?». Таре мон как сайкай, мынам ыземе но уг пот ни, чисто со вётэз ныркисько-поско, значит со рае уг шодьы, Инмарлы уг оскы вал. Марке со мама но внушитьтын одья ке, свекровкае, шуэ вал: «Бабушка, овёл Инмар». «У, шузиос, вань Инмар, озьы эн шуэ!» – шуэ вал но. «Кытысь-о сэре, космонавтёс но соку малы Инмарез уг адзо, вань ке». Озьы коть тон кызы. И соос таки оскыса оз вуттэ но, значит, пйй, Инмарлы уг оско вал, адысь рае соос уг шедё. И сы́че со измученной но. Сэре черке мынй, черке мынй, верай но, озьы ик шуизы, мон сяэмын ик. Со мынам, пе, съольке, что ой быгаты внушитьтыны, Инмар вань шуса. Милемлы тань бабушка дотово внушитьтйз кадь, со Вуж Казьмасысь бабушкамы, что Инмар вань шуса но, вот мон солы тау карко. Кыл оломар но вера со комсомолын но, марын но дыръя, шуэм сяен, о-о-а, но Ин-</i></p>

<sup>5</sup> В данном примере приводим нарратив о сне в полном объеме – не только снарассказ, но и снокомментарии (выделены курсивом), которые будут проанализированы ниже. Это обусловлено необходимостью представления целостной картины бытующего текста.



<p>дыр, учко, дыр, кыче нылтиосыз.  <i>Ну вот однажды сына, который умер первый [во сне видела]: такой очень, как это, озабоченный, замученный как будто, измученный, в выгоревших спортивных штанах, трико назывались, в таких, в таких даже не ходил, и говорит: «Всё равно я поступить не смогу, иностранный язык я не знаю», – говорит. «Как это не знаешь?» – говорю. А не изучал, говорит. «Как не изучал, – говорю, – и в институте ведь изучал, английский ведь ты изучал». А его жена затем говорит: «Да, мам, он мне тоже говорил, что иностранный не изучал». И резко проснулась, уснуть уже не могу, пошла к священнику. Ну, я про себя подумала, молитвы, в Бога не верили, молитвы никакие не знают, вот и в рай попасть не получается, не может. И священник так же объяснил. Но сноха из Кирова часто видит во сне, вместе видит их [мужа и деверя, т.е. сыновей информанта]: один из них самоубиенный, другой молитвы не знает. Оба в аду, может быть, видятся ли они там или нет, не знаю, никто еще не возвращался с того света. Но есть вера, что они и чувят, и знают. Вчера вот тоже, там всё равно, говорю, и тетя Валя, и муж старшей сестры, видятся, наверное, приглядывают, наверное, за детьми.</i></p>	<p><i>мар мынам сюлмысьтым неку но кошкылэмын ёвёл, туннэ ке но мон Инмареным улко. Ызьны выдко ке, ангельёсыным но общачкын кутскисьско, синкылие уг поты но, всё равно синмы котме.</i></p> <p><i>В первую же ночь пошла спать [к снохе] и легла на диван, на котором Витя [муж] умер. И сон вижу. Как будто в этом же доме, у нас здесь планировка была другая: там зал, вот там так, здесь кухня была с русской печкой. Вот у окна он стоит такой замученный, вид у него измученный, такие выгоревшие спортивные трикотажные костюмы раньше были, да ведь, простые, такие и не носил вроде, и вот в них. «Всё равно я поступить не смогу», – говорит. «Я иностранный язык не изучал», – говорит. «Как это не изучал? – говорю. – Английский изучал и в институте, – говорю, – английский изучал же». Света [жена] затем говорит: «Да, мам, он мне тоже сказал, иностранный язык не знает». «Да не может быть, – говорю. – Как это?». И я как проснулась, и спать мне уже не хочется, всё про этот сон думаю-размышляю, значит, он в рай не может попасть, в Бога не верил. Если что-то мама начинала внушать, свекровь моя, говорил: «Бабушка, нет Бога». «У, дуралеи, Бог есть, так не говорите!» – отвечала. «Почему тогда космонавты Бога не видят, если он есть». Хоть так ты, хоть эдак. И они так и не уверовали, значит, говорю, в Бога не верили, из ада в рай попасть не могут. И такой он измученный. Потом в церковь пошла, рассказала, так мне и сказали, как я думала. Это, мол, мой грех, что не смогла внушить, что Бог есть. Нам вот бабушка настолько, вроде, сильно внушила, бабушка из Старой Казмаски, что Бог есть, вот я ей благодарна. Во времена комсомола да что да, может, что попало и говорила, да ведь, но Бог никогда не покидал моего сердца, и сейчас с Богом живу. Перед сном и с ангелами со своими начинаю общаться, хоть слезы и не наворачиваются, но глаза все равно становятся влажными.</i></p>
---	---

Обращает на себя внимание и устойчивость грамматических особенностей вербализации рассказов о сновидениях. Во-первых, в пересказах непосредственно самих снов наблюдается несоблюдение временных форм глаголов для передачи развертывания микросюжета сна: в рамках одного текста могут использоваться как глаголы настоящего времени, так и прошедшего. Во-вторых, вышеприведенные примеры свидетельствуют о преобладании в снотекстах глаголов настоящего времени, благодаря которым повествованию придается своеобразный драматизм, размываются временные границы, создается иллюзия того, что событие, увиденное сновидцем во сне, не вспоминается, а разворачивается «здесь и сейчас», тем самым слушатель оказывается в роли незаметного наблюдателя и свидетеля происходивших во сне событий: рассказчик оказывается в роли «синхронного наблюдателя», а сам рассказ о сновидении представляет собой «синхронный репортаж» [Сафронов 2016: 93]. Именно использование глаголов настоящего времени придает рассказам о сновидениях характер свидетельского показания, помогает манифестации другой – сновидческой – реальности и развертыванию визуальной картины. Исследователи не раз отмечали использование данного приема и в других жанрах, в частности, в былинах [Потебня 1941: 65]. При этом цель его использования сохраняется – представить удаленные во времени события как действия, совершающиеся в момент повествования, эмоционально вовлечь слушателя в действие, снять границы между текстом и действительностью.

В финальной части снотекстов в обоих вариантах хронологически разновременных рассказов 1 и 3 информант использует прошедшую форму глаголов, демонстрируя тем самым на грамматическом уровне окончание пересказа сна, а в записях рассказа 5 – глаголы настоящего времени. Это способствует

ет созданию эффекта незавершенности сна, передаче состояния резкого пробуждения, что затем подтверждается и в следующих сразу после снотекста снокомментариях – «я резко проснулась» (2018 г.) / «и я проснулась» (2020 г.).

Центральное место в анализируемых нарративах занимают диалоги сновидца с умершим. Они определяют другую устойчивую лингвистическую особенность снотекстов – использование синтаксических конструкций, которые представляют собой своего рода «коктейль» из прямой и косвенной речи, сопровождающийся смешением своих и чужих слов. Основной формой передачи чужого текста в устной некодифицированной сфере считается прямая речь: «Выбор прямой речи значительно упрощает для говорящего построение плана выражения, так как в этом случае чужая речь синтаксически оформляется как речь самого говорящего» [Лагута 2005: 86]. Вспоминая сны, информант каждый раз воспроизводит в своей речи чужую речь, таким образом, в текстах всегда присутствует несколько действующих лиц. Например, в вышеприведенном снотексте 3, где информант пересказывает сон матери, общее количество действующих лиц четыре: адресат и тройной автор – информант, её покойная мать и бабушка. Сложность заключается в том, что при передаче «двойной» чужой речи происходит столкновение трех коммуникативных сфер: сферы актуальной коммуникации (информант и интервьюер) и воспроизводимой коммуникации первого (информант и её мать) и второго уровня (мать и бабушка информанта). Реплики бабушки переданы со слов матери, что повышает плотность текста, усиливает смысловые нюансы высказывания и усложняет постановку знаков препинания.

Если посмотреть на снокомментарии – пояснения к пересказу непосредственно сновидения – то здесь обнаруживается следующая тенденция: информант никогда не нарушает правило интродукции, все снотексты сопровождаются дополнительной информацией. Снокомментарии маркируют начало и окончание пересказываемого сна, содержат некоторые факты из жизни, которые помогают понять смысл сновидения, осмыслить его и объяснить. Кроме того, в них обозначается тема и выражается эмоциональное состояние респондента и оценка сна. В зависимости от расположения по отношению к снотексту можно выделить три группы снокомментариев: вводные / предтекстовые, внутритекстовые и заключительные / послетекстовые. Необходимость данного разграничения обоснована тем, что для выявления специфики варьирования снокомментариев важно сопоставлять тексты одной группы. Функционально они отличаются друг от друга: например, вводные снокомментарии помогают подготовить слушателей к последующему сообщению сна, создать соответствующее ожидание, внутритекстовые – акцентировать внимание слушателя на значимых деталях, а заключительные – предложить свое толкование сновидения, соотнести увиденное во сне с действительностью или просто резюмировать сказанное.

Рассмотрим снокомментарии на примере рассказа 5, который приводится в статье выше в полном объеме. Сравнительный анализ предтекстовых и послетекстовых комментариев в разновременных записях показывает, что они отличаются друг от друга по содержанию и объему приведенной информации: текст, зафиксированный в 2020 г., информативно более насыщенный, в нем приводится больше деталей и уточнений. Данная особенность характерна для большинства нарративов 2020 г.: в четырех текстах из пяти снокомментарии более обширны. Возможно, это связано с определенной установкой информанта: перед тем как приехать повторно в гости, мы ей заранее сообщили о цели нашей поездки – записать рассказы о сновидениях, что позволило информанту предварительно подготовиться к предстоящей беседе, вспомнить значимые для нее сны. Этим, в частности, объясняется и тот факт, что во второй раз она рассказала нам больше снов, чем в первый. Примечательно, что вне зависимости от объема дополнительной информации респондент не допускает различных толкований одних и тех же снов: интерпретация сновидений сохраняется прежней и не подвергается смысловым изменениям, соответствуя бытующим религиозно-мифологическим представлениям, как, например, в рассказе 5 –покойный не может попасть в рай из-за того, что был при жизни неверующим. В отличие от снотекстов, в пояснениях к ним преимущественно используются глаголы прошедшего времени.

Внутритекстовые снокомментарии, вплетенные в ткань снотекста, встречаются редко. Их отличает краткость и лаконичность, что вполне оправдано: они могут нарушить драматизм развертывания событий «здесь и сейчас». К примеру, в рассказе 5 они указывают на важную с точки зрения респондента деталь, описывающую одежду, в которой она увидела во сне покойного сына: «*в таких даже не ходил*» (2018 г.), «*такие и не носил вроде*» (2020 г.). В рассматриваемых текстах они дублируют друг друга, что объясняется желанием информанта акцентировать внимание слушателя на этой осо-



бенности внешнего вида персонажа – выгоревший/изношенный спортивный костюм, подчеркивающий его эмоционально-психологическое состояние.

В то же время в разновременных записях рассказа 3 наблюдается совсем другая картина: они встречаются лишь в одном из вариантов, не повторяются, носят исключительный характер. Эти снокомментарии передают сиюминутное настроение информанта, внезапно нахлынувшие чувства – «*вот слёзы накатывают*» (2020 г.), её замечания и уточнения – «*Что еще сказала, больше не рассказывала [мне мать], то ли не вспомнила, то ли на этом всё закончилось*» (2018 г.), «*вот удивительно, да, даже во сне материнский инстинкт есть*» (2020 г.).

Таким образом, сравнительно-сопоставительный анализ разновременных записей рассказов о сновидениях показывает, что наибольшим изменениям подвергаются комментарии – они могут разрастаться или редуцироваться в разной степени, содержать неповторяющиеся данные и пояснения. Именно снокомментарии играют ключевую роль в компрессии текста. В то же время пересказ увиденного сна не претерпевает значительных изменений, демонстрируя удивительную устойчивость: незначительная вариативность прослеживается лишь на уровне структуры (внутренние перестановки структурных элементов снотекста) и лексики (использование синонимичных слов и выражений, не меняющих содержание описываемого сновидения). Это свидетельствует о стремлении информанта максимально точно передать содержание сна и его значимые детали. Рассказываемые сны прекрасно вписываются в традиционную систему представлений удмуртов, отражая и подкрепляя существующие верования (необходимость поминания умерших, особенности посмертного существования), подчеркивая тем самым культурную обусловленность пересказываемых снов.

#### ЛИТЕРАТУРА

- Аникин В.П.* Изменение и устойчивость традиционного языкового стиля и образности в былинах // Проблемы художественной формы. Русский фольклор. М.: Наука, 1974. Т. XIV. С. 3–33.
- Гацук В.М.* Эпический певец и его текст // Текстологическое изучение эпоса. М.: Наука, 1971. С. 7–46.
- Гацук В.М.* Сказочник и его текст (к развитию экспериментального направления в фольклористике) // Проблемы фольклора. М.: Наука, 1975. С. 44–53.
- Лагута Н.В.* О речевом жанре воспоминаний (на материале русских говоров Приамурья) // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах, 2005. №3. С. 83–98.
- Новиков Ю.А.* Стабильность былинного текста и манера исполнения сказителя // Первый Всероссийский конгресс фольклористов: сб. докладов. М.: Гос. республиканский центр русского фольклора, 2005. С. 111–122.
- Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике: Глагол. Местоимение. Числительное. Предлог. М., Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1941. 320 с.
- Путилов Б.Н.* Искусство былинного певца (из текстологических наблюдений над былинами) // Принципы текстологического изучения фольклора. М., Л.: Наука, 1966. С. 220–259.
- Рабинович Е.И.* Сон и сновидения как феномен культуры (на примере культуры северо-буддийского региона): автореф. дис. ... канд. культурологии. Екатеринбург, 2011. 26 с.
- Садова Т.С.* Сногадания и рассказы о снах в русском речевом обиходе: лингвистические заметки. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2021. 144 с.
- Сафронов Е.В.* Сновидения в традиционной культуре. Исследование и тексты. М.: Лабиринт, 2016. 544 с.
- Суркова Ж.И.* Уровни и виды вариативности сказочного текста (к проблеме экспериментальных методов описания и изучения фольклорной традиции) // Живая старина. 2013. №3. С. 33–37.
- Чистов К.В.* Вариативность и поэтика фольклорного текста // История, культура, фольклор и этнография славянских народов: IX Международный съезд славистов. М., 1983. С. 143–170.

Поступила в редакцию 13.04.2022

**Панина Татьяна Игоревна**,  
кандидат филологических наук, научный сотрудник  
Удмуртский институт истории, языка и литературы  
Удмуртского федерального исследовательского центра  
Уральского отделения Российской академии наук  
426004, Россия, г. Ижевск, Ломоносова, 4  
E-mail: tipanina@mail.ru





Т. И. Панина

**STABILITY AND VARIABILITY OF UDMURT DREAM NARRATIVES:  
A CASE STUDY OF SAME OF THE SAME FOLKLORE TEXTS RECORDED AT DIFFERENT TIME**

DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-3-430-439

The article presents the results of a comparative analysis of chronologically different narratives about dreams and examines their stability and variability. The objects of the research are five same dream stories recorded in 2018 and 2020 from the same informant in the rural locality (*selo*) of Zavialovo, the Udmurt Republic. The narratives under consideration belong to one classification group – otherworldly dreams, the plot-forming motif of which is communication with deceased close relatives. While analyzing the stability and variability of the folklore texts, I take into account their composition and suggest new terms "dream-text" (*сновотекст*) to denote the part that comprises the dream itself and "dream-comments" (*снокоментарии*) to denote narrator's explanations and remarks on the reported dream. The dream-comments are divided into three groups: introductory / pre-text, in-text and final / post-text comments. It has been revealed that dream-comments undergo the greatest changes – they can either extend or reduce, contain non-repeating data and interpretations, thus playing a key role in text compression. Conversely, the dream-texts do not alter dramatically, demonstrating remarkable stability: slight variability can be found only at the structural level (internal permutations of structural elements in the dream-text) and lexical level (the use of synonymous words and expressions that do not change the content of the described dream). It can be explained by the informant's inclination to convey the dream content as accurately as possible and preserve its significant details. The stability of the dream texts is observed at the grammatical level, namely the verb tense usage, and at the syntactical level, namely the usage of the mixture of direct and indirect speech. The prevalence of present tense verb forms in narration aims to blur time boundaries, create the illusion of the reality, so the dream is not just remembered, but presented *hit et nunc* to listeners. All considered dream narratives perfectly fit into the Udmurt traditional religious and mythological system, reflecting and reinforcing existing beliefs (the need to remember the dead, beliefs about posthumous existence), thereby emphasizing that retold dreams are culturally constituted and encouraged.

*Keywords:* Udmurts, communication with the dead, dream, narratives about dreams, repeated recording, stability, variability.

**Citation:** Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2022, vol. 16, issue 3, pp. 430–439. In Russian.

## REFERENCES

- Anikin V. P.** *Izmenenie i ustoychivost' traditsionnogo yazykovogo stilya i obraznosti v bylinakh* [Change and stability of traditional linguistic style and imagery in *bylina*]. *Problemy khudozhestvennoi formy. Russkii fol'klor. T. XIV* [Problems of artistic form. Russian Folklore. Vol. XIV]. Moscow: Nauka Publ., 1974. Pp. 3–33. In Russian.
- Gatsak V. M.** *Epicheskii pevets i ego tekst* [The epic singer and his text]. *Tekstologicheskoe izuchenie eposa* [Textual study of epics]. Moscow: Nauka Publ., 1971. Pp. 7–46. In Russian.
- Gatsak V. M.** *Skazochnik i ego tekst (k razvitiyu eksperimental'nogo napravleniya v fol'kloristike)* [The storyteller and his text (on the development of an experimental direction in folklore studies)]. *Problemy fol'klora* [The problems of folklore]. Moscow: Nauka Publ., 1975. Pp. 44–53. In Russian.
- Laguta N. V.** *O rechevom zhanre vospominanii (na materiale russkikh govorov Priamur'ya)* [On the speech genre of memories (evidence from the Russian dialects of the Amur region)]. *Slovo: Fol'klorno-dialektologicheskii al'manakh* [Word: Folklore and dialectological almanac]. 2005. №3. Pp. 83–98. In Russian.
- Novikov Yu. A.** *Stabil'nost' bylinnogo teksta i manera ispolneniya skazitelya* [Stability of the *bylina* text and the *bylina* teller's performance manner]. *Pervyi Vserossiiskii kongress fol'kloristov: Sb. dokladov* [The First All-Russian Congress of Folklorists: Conference proceedings]. Moscow: Gos. Respublikanskii tsentr russkogo fol'klora Publ., 2005. Pp. 111–122. In Russian.
- Potebnya A. A.** *Iz zapisok po russkoi grammatike: Glagol. Mestoimenie. Chislitel'noe. Predlog* [From notes on Russian grammar: Verb. Pronoun. Numeral. Preposition]. Moscow, Leningrad: Izd-vo Akademii nauk SSSR Publ. 1941. 320 p. In Russian.
- Putilov B. N.** *Iskusstvo bylinnogo pevtsa (iz tekstologicheskikh nablyudeni nad bylinami)* [The art of the *bylina* singer (from textual observations on the *bylina*)]. *Printsipy tekstologicheskogo izucheniya fol'klora* [Principles of textual study of folklore]. Moscow, Leningrad: Nauka Publ., 1966. Pp. 220–259. In Russian.
- Rabinovich E. I.** *Son i snovideniya kak fenomen kul'tury (na primere kul'tury severo-buddiiskogo regiona): Avtoref. diss. ... kand. kul'turologii* [Sleep and dreams as a cultural phenomenon (evidence from the culture of the North Buddhist region): Extended abstract of Cand. culturology diss.]. Ekaterinburg, 2011. 26 p. In Russian.
- Sadova T. S.** *Snogadaniya i rasskazy o snakh v russkom rechevom obikhode: lingvisticheskie zametki* [Fortune telling based on dreams and stories about dreams in Russian everyday speech: linguistic notes]. Spb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta Publ. 2021. 144 p.



**Safronov E. V.** *Snovideniya v traditsionnoi kul'ture. Issledovanie i teksty* [Dreams in the traditional culture. Research and texts]. Moscow: Labirint Publ., 2016. 544 p. In Russian.

**Surkova Zh. I.** Urovni i vidy variativnosti skazochnogo teksta (k probleme eksperimental'nykh metodov opisaniya i izucheniya fol'klornoj traditsii) [Levels and types of variability of the fairy-tale (on the problem of experimental methods for describing and studying folklore tradition)]. *Zhivaya starina* [Living antiquity]. 2013. №3. Pp. 33–37. In Russian.

**Chistov K. V.** Variativnost' i poetika fol'klornogo teksta [Variability and poetics of folklore text]. *Istoriya, kul'tura, fol'klor i etnografiya slavyanskikh narodov: IX Mezhdunarodnyi s"ezd slavistov* [History, culture, folklore and ethnography of Slavic peoples: IX International congress of slavists]. Moscow, 1983. Pp. 143–170. In Russian.

Received 13.04.2022

**Panina Tatiana Igorevna,**  
Candidate of Sciences (Philology), Researcher  
Udmurt Institute of History, Language and Literature  
Udmurt Federal Research Centre  
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences  
4, Lomonosova st., Izhevsk, 426004, Russia  
E-mail: tipanina@mail.ru